

Таким образом, в отношении Спасо-Нередицкой росписи можно говорить не об отдельных ктиторских изображениях, а о существовании глубоко продуманной ктиторской темы, характер разработки которой определялся первоначальным замыслом строителя церкви — новгородского князя Ярослава Владимировича. Ставший откликом на трагические события весны 1198 г., Ярослав храм был задуман как благочестиво-жертвенное приношение Богу ради очищения от грехов, спасения души и обретения Царствия небесного, как место последнего упокоения строителя.

Этот замысел, с особой наглядностью претворенный во фреске аркосолия южной стены, обусловил отбор композиций для росписи подкупольного пространства, где важное место отводилось сценам страстей и воскресения, акцентировал звучание темы Второго Пришествия, реализовался в декорации центральной апсиды и воплотился в наружной фреске церкви.

Сочетание собственно ктиторских, патрональных и поминальных изображений, умело вплетенных в систему храмовой декорации, нестандартность примененных иконографических решений, позволяющих видеть в составителе программы росписи человека необычной эрудиции, хорошо знакомого как с каноническими, так и с апокрифическими источниками, свидетельствуют о необычности реализации ктиторской темы, своеобразию и оригинальности которой трудно отыскать аналогии.

Э. А. ГОРДИЕНКО

СЕРЕБРЯНЫЙ ОКЛАД ИКОНЫ «АПОСТОЛЫ ПЕТР И ПАВЕЛ» И ОСОБЕННОСТИ НОВГОРОДСКОЙ ЛИТУРГИИ В XII в.

Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» представляет собой одно из тех глубинных произведений древнерусского искусства, в котором отразились важнейшие стороны современной ему действительности. Человек и его место в обществе, отношения светской и духовной власти, религиозный ритуал, избранный патрональный культ и общественный пантеон святых, историческое прошлое и настоящий день — все эти тесно соединенные, взаимообусловленные и противоречивые проблемы заложены в замысел этого выдающегося творения. Анализ их затруднен отсутствием прямых источников, подтверждающих их причинные и следственные связи, и поэтому их решение не может быть окончательным и однозначным. Но стремление к нему не безрезультатно, ибо дает возможность поставить эти вопросы и тем самым приблизиться к раскрытию их сущности.

На этом пути обозначается и круг источников, привлечение которых до сих пор не всегда было обязательно, а иногда и вовсе исклю-

чалось. Речь идет о литургии, ее чинопоследовании, участии в ней разных лиц, предметов, определении мест ее совершения, символов, таинств и всего того, что относится к богослужению и непосредственно в данном случае связано с серебряным окладом к иконе «Апостолы Петр и Павел», отразившим особенности местного церковного ритуала.

В предполагаемом контексте литургия будет интересовать нас не столько сама по себе, сколько как явление общественного служения, во многом predetermined обстоятельствами своего времени.

Понятно, что и среди письменных источников должны быть найдены одновременные оклады-памятники. И коль скоро датировка оклада (первая половина—середина XII в.¹) не означает точного времени его создания, но в большей степени определяет историческую эпоху близких по форме и содержанию произведений искусства, то и из числа книг должны быть выбраны сочинения, адекватные интересующему нас предмету. К ним, по-видимому, относятся Месяцеслов Мстиславова евангелия,² Житие Феклы конца XI в., комплекс Мшней XII в., Стихирари середины XII в.,³ в чтении которых прослеживается совокупность образов, дополняющих историческую картину создания оклада.

Такое грандиозное произведение, каким является рассматриваемый оклад, не могло остаться вне богослужебного правила и не могло не отразить помыслы участвовавших в его создании людей, искавших в своем творчестве и своем дарении защиты и покровительства вышних сил.

Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» почти сплошь закрывает живопись, оставляя видимыми только лики апостолов, их руки и ступни ног и лик благословляющего Христа наверху. Поля иконы также покрыты серебряными пластинами, на которых в определенном порядке изображены разные святые. На верхнем поле представлен деисусный чин со стоящими фигурами Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи. Центральную его композицию фланкируют развернутые фронтально фигуры архангелов Михаила и Гавриила. От них же как бы начинаются изобразительные ряды на боковых полях. На левом, более ответственном и почетном, представлены святые врачи Косма и Дамиан, Кир и Иоанн и Пантелеймон. На правом поле изображены мученик Евстафий, Димитрий, Прокл (или Прокопий), Фекла и Варвара. Все персонажи изображены в рост, под аркой на колонках с капителями. Клейма с лицевыми изображениями чередуются с восьмилепестковыми розетками, фон украшен чеканным орнаментом в виде вьющегося стебля с лепестками, отростками и кринами. В среднике иконы фон заполнен мел-

¹ Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н. Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника // Музей: Художественные собрания СССР. М., 1986. Вып. VI. С. 200—215.

² Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 219—281; Сводный каталог русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. С. 90—92.

³ Сводный каталог. . . № 17. С. 61—62; № 54. С. 95—96; № 63. С. 105—106; № 84. С. 122—123; № 100. С. 131; № 126. С. 152.

ким крестообразным цветком. На нимбах апостолов — восьмилепестковые розетки, увитые виноградной лозой.

Тип серебряного орнаментированного оклада, закрывающего фон, поля и нимбы святых, а нередко и все изображение, за исключением лика, хорошо известен в X—XIII вв. в Византии, Сербии, Грузии.⁴ Назначение подобных покрытий, полностью скрывавших живопись, не совсем ясно. Можно предполагать, что помимо декоративной функции они выполняли роль сакрального покрывала. Живопись тем самым приобретала значение святой реликвии, а икона в целом уподоблялась реликварию. Подобный образ описал в своем Путешествии новгородский архиепископ Антоний (Данила Ядрейкович): «. . . а вне Златых врат святой Никола „Проби лоб“, и прокована вся икона серебром и позлачена, а когда царь придет, и тогда открывают серебро и целует царь во главу, отнюду же кровь шла, и паки покрывают серебром».⁵

Реликварии служили символом искупительной жертвы и являлись ритуальными поклонными предметами в служебной церемонии.⁶ Серебряные чеканные изображения соответствовали тем святым, останки которых находились под ними. Замечательно, что на крышках реликвариев из сокровищниц монастыря Ватопеди и собора в Хальберштадте изображены святые, подобные тем, что находятся на новгородском окладе: мученик Димитрий в окружении врачей и мучеников Космы, Дамиана, Лушоса и Нестора.⁷ Проведенная аналогия позволяет предположить, что и икона «Апостолы Петр и Павел», изображения на которой были закрыты сплошным серебряным окладом, выполняла функцию храмовой сокровищницы, реликвария.

Подобные иконы-ковчеги формировали алтарную преграду, символизируя киворий Гроба Господнего. Важное звено этой преграды в новгородском Софийском соборе составляла икона «Апостолы Петр и Павел». О ее месте в первоначальной алтарной композиции Софийского собора нет точных документальных свидетельств, но подбор святых на полях, иконография апостолов в среднике дают основание утверждать, что она находилась в непосредственной близости от алтаря и выступала храмовым образом. Более почетное место, одесную Христа, занимает на иконе апостол Павел, поскольку с его именем тесно связано понятие о носителе Слова, создателе и проповеднике учения Христа. В своей учительной роли апостол Павел

⁴ *Radović Sv.* Zur Geschichte der silbergetriebenen Reliefs in der byzantinischen Kunst // «Tortulae»: Romische Quartalschrift. Supplementheft. Roma; Freiburg. 1966. 30. S. 229—234; *Тубиначвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство: Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1958. Табл. 63, 68, 70, 99, 125—128, 136, 143; *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв.: Очерки. М., 1978. Рис. 52.

⁵ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872. С. 61, 180.

⁶ *Volbach W. F.* Metallarbeiten des christlichen Kultes in der Spätantik und im frühen Mittelalter. Mainz, 1921. S. 22, 31, 32.

⁷ *Grabar A.* Quelques Reliquaires de Saint Démétrios et le Martirium des Saints à Salonique // *Dumbarton Oaks Papers.* 1950. 5. P. 3—5. Fig. 1—4; p. 6—10. Fig. 9—11.

в толковании Григория Нисского выступал мудрым архитектором храма, строителем наших чистых помыслов и действий, создателем двух стен нашей жизни: тела и души.⁸ Изображенный справа апостол Петр знаменовал земное основание храма, выступая воплощением слов Христа по Евангелию Матфея: «И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее».

Идея храмовой иконы развита далее в изобразительном ряду святых на полях, отношение которых к теме апостольского учения раскрывается в богослужебных песнопениях. Имена Пантелеймона, Евстафия, Феклы соотнесены в них с именами апостолов Павла и Петра. В Житии Феклы находим обращение к ней: «Апостольство взявшая от святого Павла, вселенского учителя».⁹ В Минее XII в. мученица уподобляется мудрым девам, ибо «апостола мудрого Павла словес послуша и оставила леннаго, но уневестилась Христу и светильник веры приняла».¹⁰ Аналогии с апостолами постоянны в стихирах XII в. Например, к Пантелеймону: «... среди судилища, яко Павел возопиша: ничто же мене от любове отлучит Христа. . .».¹¹ Димитрий сравнивается с храмом, нерушимыми стенами Иерусалима, «всечестное и страстотерпческое» тело его воспринималось как образ церкви на земле: «... град твой светло почитаем, как учит Павел славный и величит днесь славу твою славно»,¹² «сохрани всехвально тебе величащий град от супротивных совет, дерзновение имея к Христу, тя прославившему».¹³ В стихирах и канонах воспевается божественная мудрость Космы и Дамиана и Евстафия. Например, к Косме и Дамиану: «Богомудрые, как поток, истекающий от кладезя воды живоносной. . .», «водами духовными, яко река наводняемая, явилась пучина ума. Всю тварь напоете богознаменаниями преславными. . .»;¹⁴ к Евстафию: «Премудрости вышней исполнен был мученик. . .».¹⁵ В одном из песнопений мученица Варвара, увенчанная Христом, воспринимает благодать от Слова, воплотившегося от Девы.¹⁶

Так создается единый и многосоставный образ храма Премудрости, утвержденный на победоносных страданиях верных последователей Христа. Икона-реликварий, святой ковчег, осознана как олицетворение церкви, основанной на жертвенном приношении мучеников.

Вместе с тем содержание иконы «Апостолы Петр и Павел» не исчерпывается общей идеей храмового образа, оно предполагает дальнейшее развитие темы апостольского проповедования Слова Премудрости Божией, происходящего на проскомидии, первой части

⁸ Keenan M. E. De Professione christiana and De Perfectione: A Study of the Ascetical Doctrine of Saint Gregory of Nyssa // Ibid. P. 184, 195, 207.

⁹ Житие Феклы // ОР ГПБ, Погод. 63, л. 2 об.

¹⁰ Минея // ОР ГПБ, Q.n.1.12, л. 58.

¹¹ Стихирарь 1156—1157 гг. // ОР ГПБ, Соф. 384, л. 76 об.

¹² Минея // ОР ГПБ, Соф. 188, л. 232 об.

¹³ Стихирарь 1157 г. // ОР ГИМ, Син. 589, л. 392 об.

¹⁴ Там же, л. 110 об.

¹⁵ Минея // ОР ГПБ, Соф. 188, л. 93.

¹⁶ Стихирарь 1157 г. Л. 60 об.

литургии, когда приготавливалась символическая бескровная жертва, просфора и вино. Приготовление сопровождалось пением антифонов, трисвятой песни, чтениями из Ветхого и Нового заветов. Вслед за ним предлагалось чтение Апостола.¹⁷

Этот момент проскомидии объясняется как выступление самого апостола Павла, некоего начальовождя, предлагавшего народу свое учение.¹⁸ Настоящее толкование разъясняет, вероятно, и декоративное убранство жертвенников в древности, на стенах которых располагались сцены из жизни апостолов Петра и Павла. Апостол Павел в этих циклах занимал, как правило, главенствующее место.¹⁹ К числу особенно важных для нас примеров относится фресковая роспись в жертвеннике киевского Софийского собора, где кроме нескольких сюжетов из жития апостола Петра²⁰ сохранились изображения апостолов на предалтарных столбах. В выходной композиции апостол Павел представлен слева, на более почетном месте.²¹ Здесь он, говоря словами из Евангелия Иоанна (X, 9—16), «дверь», которою «аще кто ввидет — спасется». Павел здесь «пастырь добрый. . . душу свою полагающий за овца. . . и глас его будет услышан, и будет едино стадо и един пастырь».

Необходимо отметить, что в росписи Софии Киевской предпочтене апостола Павла определено его местом и в таких сценах, как «Сшествие святого Духа», «Отослание апостолов на проповедь»,²² где тема учительной проповеди сопутствует теме Премудрости Божией, выступая иллюстративным воплощением вдохновенных слов митрополита Иларiona: «Якоже и есть вера бо благодатная по всей земли простресе и до нашего языка русского дойте. . .», «и расплодися на множество язык, и Христова благодать всю землю объа, и яко вода морская покры ю».²³

В то же русло направлялась и мысль строителей новгородского Софийского собора, где икона «Апостолы Петр и Павел» заняла полагающееся ей ритуалом место, слева от алтаря, у входа в жертвенник. Здесь она выполняла не только возложившую на нее иллюстративную роль храмового образа, но и представляла апостолов, непосредственных участников оживавшей в богослужении исторической мистерии.

Современные иконе письменные источники продолжают идею учительной проповеди. В хвалебных стихирах апостолу Павлу

¹⁷ *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 393, 398, 404, 618.

¹⁸ *Красносельцев К. Ф.* О древних литургических толкованиях // *Летопись историко-филологического фак. при Новорос. ун-те.* Одесса, 1897. Вып. IV. Виз. отд.-ние II. С. 209—210.

¹⁹ *Детиз О.* The Mosaics of Norman Sicily. London, 1949. P. 244, 294, 299. Pl. 40—43, 77—83.

²⁰ *Логвин Г. Н.* София Киевская: Государственный архитектурно-исторический заповедник. Киев. 1971. Табл. 133—137, 145, 152.

²¹ Там же. Табл. 139—142.

²² Там же. Табл. 118, 120—121.

²³ *Иларion.* Слово о Законе и Благодати // *Сокровища древнерусской литературы:* Красноречье Древней Руси: XI—XVII вв. М., 1987. С. 44.

возглашается: «Радуйся, Павле апостоле. . . проповедниче вере и учителю вселенной. . .»; «. . . Павла, истинного учителя и тайника Христова, сия бо истинное Слово насеявше в сердца верным, всем плодовосные подаваеся, и молятся Христу спасти души наши. . .».²⁴

Содержание иконы соотносено с пониманием высокого пастырского служения, в котором осознается стремление обосновать значение духовной власти, ее роль и место в обществе. Начало этой проблемы, постоянно существовавшей в новгородской внутренней политике, уходит в первые годы становления здесь христианства. Еще в середине XI в. епископ Лука Жидята, опираясь на учение апостола Павла, призывал в своей проповеди: «Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, также господу. Чтите от всего сердца иерея божия, чтите и слугы церковныя».²⁵

В XII в. эта проблема не только не снимается, но и, постепенно углубляясь, приобретает более отчетливые очертания, знаменуя на разных этапах внутренней борьбы единение или размежевание сил. Потомки Мстислава Великого во многом способствовали их консолидации, изыскивая между тем оптимальные способы сохранения за собой приоритета власти. Сотрудничество Ярослава Мудрого и Илариона служило для них достойным примером, в котором, разумеется, инициатива князя оставалась главенствующей. Возведение в Новгороде Софийского собора на средства Ярослава Мудрого и его сына Владимира при участии епископа Луки, постановления церковного Устава — эти первоначально продолжили старшие Мономаховичи. Развернутое ими в 1103—1136 гг. строительство не имело в Новгороде ничего равного по размаху задуманного предприятия и грандиозности сооружений, роскоши их убранства, блеску наполнявшей их утвари. Устав князя Всеволода (конец XII—начало XIII в.),²⁶ правнука Мстислава Великого, подводил черту под напряженной, длившейся около двух столетий дискуссией: «А се дах в алтарь Святей Софии и притчу церковному синодик вечно, что суды церковные, то Святей Софии, а кто нашего роду пограбит или отымет, того повелехом владыце собором [в синодици проклинати].»²⁷

К памятникам духовной культуры, утверждавшим значение Мономаховичей в формировании культуры древнего Новгорода, принадлежат и серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел».

Его создание, должно быть, относится к позднему периоду пребывания этой династии на новгородском престоле. К тому времени после тяжелой битвы на Ждане горе свершилось изгнание старшего сына Мстислава, Всеволода (1136 г.), произошло дарение земель

²⁴ Стихирарь 1156—1157 гг. Л. 63 об.

²⁵ Лука Жидята. Поучение к братия // Сокровища древнерусской литературы. С. 40.

²⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 89—93; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1972. С. 165—177.

²⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пантелеймонову монастырю Изяславом, закончилось его киевское княжение, во время которого волей этого князя митрополитичий престол второй раз в истории Руси занимал русский ставленник Клиим Смолятич. Тогда же завершал обновление епископской кафедры в Смоленске Ростислав Мстиславич, смоленское и киевское княжение которого не помешало ему управлять с помощью своих родичей и новгородским столом. Не исключено, что с его именем связано и поставление на кафедру Аркадия, выбранного всем городом без участия киевского митрополита. После его избрания Ростислав вступил на следующий год в Новгород (1158 г.), оставшийся с тех пор под контролем этой семьи вплоть до начала XIII в.

Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел», заказанный, очевидно, кем-то из рода старших Мономаховичей, заключает в последовательности изобразительного ряда многие страницы его истории, раскрывая вместе с тем особенности литургического действия в Софийском соборе, в становлении которого участвовали потомки Мстислава Великого, утверждая в нем собственный патронат, заботясь о поминовении и вечности своих христианских имен.

В этих действиях они следовали известному византийскому обычаю, установленному еще во времена императора Юстиниана, когда в чине поминовения покровителей царской семьи использовались диптихи с изображением на них святых патронов.²⁸ Клейма на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел» могут быть отнесены к числу родственных памятников как поминальные таблички, только на окладе они переросли свое личностное первоначение и приобрели в конечном итоге характер общественного поминовения и поклонения.

Чтобы яснее понять связь вотивного образа с порядком проведения литургии, необходимо обратиться вновь к проскомидии, но уже к другому ее периоду — моменту изъятия частиц из просфоры. Этот ритуал совершался в память канонизированных святых, называемых по иерархическому, установленному каноническому порядку. Согласно церковному Уставу, воспоминания начинались с бесплотных ангельских сил, переходили к Богородице, Иоанну Предтече, пророкам, апостолам, иерархам, мученикам, преподобным и завершались поминовением врачей-бессеребренников. В заключение изъятия частиц, «если служба происходила в храме, архиерей вынимал частицу за строителя или за совершившего память, за принесшего и за тех, за кого он принес дары, наконец, за почивших. . . за весь священный и иноческий чин, за всех верных и за тех, кого хочет или должен бывает иерей помянуть».²⁹

Таким образом, в чине проскомидии возможны были включения личного порядка и зависели они во многом от места действия и его участников. Письменные источники показывают весьма зыбкий ряд

²⁸ Kantorowicz E. *Ivories and Litanies* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. London, 1942. V. P. 56—81.

²⁹ Соколов М. Симеон, архиепископ Солунский, как истолкователь богослужебных чинопоследований // *ЧОИДР*. М., 1894. Сентябрь. С. 437.

чина проскомидии. Споры о том, сколько и за кого вынимается частиц, не утихали до XV в.³⁰

Неканонизированный ход этой церемонии отразился и в памятниках искусства. На полях ставротеки XI—XII вв. изображена Этимасия и служащие ей по чину ангелы, апостолы, святители, воины и бессеребряники.³¹ Изобразительный ряд здесь полностью соответствует правилу.³² Этот же порядок соблюдается и на каменной иконке с изображением деисуса с предстоящими.³³ Вместе с тем на Филофеевской ставротеке иерархия явно нарушена. Единственные предстоящие кресту святые здесь — врачи Кир и Пантелеймон, Косма и Дамиан.³⁴ Примером определенной самостоятельности по отношению к строгому канону, близким Филофеевской ставротеке, является и серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел», в котором также на первом месте отдания чести стоят святые врачи.

Не исключено, что в случае с окладом инверсия обусловлена заказом. Многие исследователи видели в составе святых на полях патрональное избрание. Э. С. Смирнова выделяет изобразительный ряд святых на окладе в узкую группу с «конкретизированным подбором изображений», «объединенных некоторыми признаками или покровительства в определенной схеме».³⁵ Н. Е. Мнева и В. В. Филатов высказывались более определенно, обращая внимание на лоратные облачения архангелов, расположение врачей, несколько пестрый состав святых на правом поле,³⁶ находя здесь признаки патронального избрания.

С точки зрения почитаемого, votивного образа это суждение вполне правомерно. В истории развития алтарной преграды известны примеры размещения поклонных икон в алтаре, на колоннах и панелях темплона. Обычай их включения в предалтарную композицию существовал уже в V—VI вв., например мозаики в базилике Димитрия в Салониках. Vотивные изображения нередко включались в деисусный чин, представляя донаторов храма.³⁷ Выбор изобразительного ряда на окладе к иконе «Апостолы Петр и Павел» также был соотнесен с частным посвящением, с практикой образа *ex voto*.

³⁰ Мансветов И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 15—31; Соколов М. Симеон, архиепископ Солунский. . . С. 437; Муретов С. Чин проскомидии с XII по XIV в. (до митрополита Киприана) // ЧОИДР. М., 1894. Октябрь. С. 485—488, 497—528.

³¹ Банк А. В. 1) Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., 1966. Табл. 200; 2) Прикладное искусство. . . Рис. 25.

³² Соколов М. Симеон, архиепископ Солунский. . . С. 437.

³³ Банк А. В. 1) Византийское искусство. . . Табл. 152; 2) Прикладное искусство. . . Рис. 79.

³⁴ Банк А. В. Византийское искусство. . . Табл. 195.

³⁵ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода: Середина XIII—начало XV века. М., 1976. С. 153—154.

³⁶ Мнева Н. Е., Филатов В. В. Икона Петра и Павла новгородского Софийского собора // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 100.

³⁷ Walter Ch. Further Notes of the Deësis // Revue des Études Byzantines. Paris, 1970. Т. XXVIII. P. 317, 319—324.

Отмечая царские одежды архангелов, Н. Е. Мнева и В. В. Филатов, а также А. В. Банк отождествляли имена архангелов Михаила и Гавриила с князьями Ростиславом и Всеволодом Мстиславичами.³⁸ Это предположение подтверждается материялами сфрагистики.³⁹ На печатях Ростислава архангел Михаил изображен так же, как и на окладе: в лоратном одеянии, с жезлом и сферой в руках, с широко расправленными мощными крыльями.⁴⁰ Сходство продолжается и в стилистическом облике произведений, в композиции фигуры, элементах орнамента, в движении линии, прерывистые штрихи которой подобны пульсирующему следу чекана на окладе, в расположении надписей под крыльями, в палеографии в целом. О патрональности архангелов Михаила и Гавриила свидетельствует и построение фигур, фронтальный разворот которых позволяет видеть их не только в деисусном чине, но и в ряду патрональных святых на полях. С именем третьего брата, Изяслава Мстиславича, поддерживавшего с Новгородом родственные и дружественные деловые контакты, связано имя врача Пантелеймона.⁴¹ Этот святой изображен и на шлеме Изяслава.⁴² В начале XII в. недалеко от Новгорода Изяслав основал Пантелеймонов монастырь, которому пожаловал грамоту на владение землей.⁴³ На печатях Изяслава также изображен Пантелеймон.⁴⁴

Несколько иначе трактует патрональный состав святых на окладе Б. А. Рыбаков. Он полагает, что серебряное убранство иконы было создано после битвы на Ждане горе и является памятником погибшим в ней воинам. Именно поэтому на нем изображены святые врачи, а также мученица Варвара как покровительница вдовы посадника Петрилы, якобы заказавшей оклад в честь убитого мужа.⁴⁵ Как заключает сам Б. А. Рыбаков, это предположение не имеет доказательной силы, но мученица Варвара могла быть соименна супруге известного в Новгороде посадника. На одном из софийских кратиров помещено изображение святых покровителей Петрилы и его жены — апостола Петра и мученицы Варвары.⁴⁶ Более того, причиной возникновения оклада действительно могло быть воспоминание о битве 1134 г. Тогда погибло «много добрых муж», и среди них сподвижник князя Всеволода Петрила Микульчич. Для Мономаховичей битва имела немало печальных последствий в Новгороде.⁴⁷

³⁸ Мнева Н. Е., Филатов В. В. Икона Петра и Павла. . . С. 100; Банк А. В. Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI—XV веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 76.

³⁹ См. печати Ростислава и Всеволода: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси: XI—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 108—110, 115—117, 133—137, 152—155.

⁴⁰ Там же. № 152—153.

⁴¹ Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1968. С. 315—316.

⁴² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 438—439.

⁴³ Янин В. Л. Из истории землевладения. . . С. 313—324.

⁴⁴ Янин В. Л. Актовые печати. . . Т. 1. С. 103. № 214—215.

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XV веков. М., 1964. С. 25—26.

⁴⁶ Мясоедов В. Кратеры Софийского собора в Новгороде. СПб., 1914. Табл. III—IV.

⁴⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 70—71.

Она послужила одной из важных причин отстранения Мономаховичей от новгородского престола, возвращение которого произошло не сразу, но после продолжительной и упорной борьбы за него с младшей линией рода, возглавляемой Юрием Долгоруким. Серебряный оклад мог быть заказан в воспоминание о битве, ставшей тяжелым уроком для наследников Мстислава Великого, но скорее всего он был создан в момент долгожданного триумфа, когда старшие Мономаховичи возвратили Новгород под свой контроль. Заказ мог состояться по воле самого Ростислава Мстиславича, названного в посмертном похвальном ему слове «треблаженным и святым»,⁴⁸ или по желанию его сына, не менее достойного донатора, управлявшего новгородской администрацией с 1158 г. в течение восьми лет. Серебряный оклад к древнейшей храмовой иконе Софийского собора был памятником их победы, символом их утверждения в новгородском обществе, актом оправдания и снятия вины за прошлые обиды, синодиком поминовения верных приверженцев новгородского православия.

Продолжая разгадывание патрональных фигур на окладе, можно отнести изображение врачей Кира и Иоанна к памяти епископа Никиты (1096—1109 гг.), день погребения которого — 30 января — совпадал с днем бессеребренников Кира и Иоанна.⁴⁹ Новгородская сфрагистика подсказывает отождествление воина Евстафия с посадником Завидом (протопроедром Евстафием), регентом при малолетнем князе Мстиславе Владимировиче.⁵⁰ Не исключено также, что Иоани Предтеча — покровитель Святополка Мстиславича, а мученик Димитрий — Владимира Мстиславича,⁵¹ братьев Ростислава, Всеволода и Изяслава. Возможно, что и остальные персонажи на полях соответствуют историческим лицам. Их имена останутся нераскрытыми, хотя и в предложенных атрибуциях нет полной уверенности. Вместе с тем приведенный весьма приблизительный ряд персональных отношений позволяет разделить их на две группы. С одной стороны — члены княжеской семьи, с другой — менее знатные люди, посадники, женщины. Соответственно распределены и покровители. На самом почетном месте, верхнем и левом полях, изображены патроны князей, старших сыновей Мстислава от первого брака, чуть ниже — патроны епископа. Покровители посадников и «мачешича» Владимира помещены на правом поле. В дольний ряд оттеснены жены. Так в избрании святых отразился характер общества, все члены которого — князь, епископ и прочие — причастны к божественным тайнам литургии в соответствии с установленным регламентом.

С его формированием в значительной степени связаны и особенности местной службы. Наиболее почетное место на полях оклада отведено изображению врачей, расположившихся единым рядом, слева, одесную Христа. Это предпочтение могло быть истолковано

⁴⁸ Шапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 51, 53—54, 59.

⁴⁹ Ср.: Новгородская первая летопись... С. 19, 203; Апракос Мстислава Великого. С. 254.

⁵⁰ Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 64—67.

⁵¹ Там же. С. 11—113. № 143—148; с. 112, 115, 116, 243.

как единственный случай личной инициативы, исходящей от какого-то лица.

Между тем новгородские памятники XII—XIII вв. дают еще несколько примеров особого избрания врачей. В росписи Рождественского собора Антониева монастыря 1125 г. на лицевой стороне пред-алтарных столбов представлены две пары целителей,⁵² на иконе Николы из Новодевичьего монастыря (ныне в Государственной Третьяковской галерее), на верхнем поле, по сторонам Этимасии, изображены Косма и Дамиан.⁵³ К числу подобных памятников принадлежит и Филофеевская ставротека, новгородское происхождение которой позволяет видеть в этом обычае некоторое правило. Мотив его, по-видимому, обусловлен традицией, чином богослужения, в порядке которого важную роль играл культ врачей.

Ведущей парой среди многочисленных святых, считавшихся целителями, были Косма и Дамиан. Согласно легенде, именно им был обязан своим исцелением император Юстиниан, и с тех пор культ врачей становится частью царского религиозного ритуала.⁵⁴

В Новгороде наиболее активное его распространение приходится на первую половину XII в. и, кажется, было непосредственно связано с инициативой князей, принадлежавших к линии старших Мономаховичей. К памятникам, характеризующим развитие этого культа под влиянием Мономаховичей, следует, очевидно, отнести церковь Космы и Дамиана на Городище, родовом гнезде новгородских князей, серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел», изображение врачей на верхнем поле упомянутой иконы Николы, роспись башни Георгиевского собора в Юрьевом монастыре. С еще большей долей основания к ним должно отнести Месяцеслов Мстиславова евангелия, в котором отчетливо прослеживается тенденция особого почитания целителей. Врачи Косма и Дамиан, Кир и Иоанн объединены в нем одной службой,⁵⁵ во время которой положено чтение из Евангелия Матфея (X, 5—8), обращенное к апостолам-проповедникам и целителям: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Даром получили, даром давайте». Целительная роль определена службой и Варваре. На ней «Евангелие чтется всем женам».⁵⁶ Если на окладе изображен Прокопий, а не Прокл, то и на его день в Мстиславовом Месяцеслове читалось Евангелие Луки (VI, 17—19) с призыванием Христа к излечению больных и страждущих.

Возвышенный княжеской семьей культ христианских врачей в силу своей практической пользы вскоре пропик в широкие слои

⁵² *Гордиенко Э. А.* Росписи 1125 года в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 200—203.

⁵³ *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. 1. С. 69—71. № 9. Табл. 31.

⁵⁴ *Deubner L.* Kosmas und Damian: Texte und Einleitung. Leipzig und Berlin, 1907. S. 57; *Лазарев В. Н.* Равенские мозаики // Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 65.

⁵⁵ Апракос Мстислава Великого. С. 233, 254.

⁵⁶ Там же. С. 237.

населения. И на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел» их избрание не было замкнутым, оно было сразу отдано людям, получив тем самым общественно необходимое значение. Полная реализация культа произошла в церковном ритуале, для которого избранное поклонение, исходившее от личной инициативы, было залогом его всеобщего признания и принятия. Мы далеки от мысли, что практика литургии в новгородском Софийском соборе пренебрегала установленными в Константинополе общими правилами поминовения, но существовали черты своеобразия, которые обуславливались местными обстоятельствами и, как показывают сохранившиеся памятники изобразительного искусства, были связаны с культом врачей, их приоритетным поминовением на литургии.

Вместе с тем выдвижение на первый иерархический план бессеребренников может объясняться и некоторой нерасчлененностью культа мучеников, подвижностью их ряда, прослеживаемой в византийских и русских источниках раннего периода. Так, изображенные на правом поле оклада святые также включены восточной церковью в круг целителей. Афонский подлинник кроме Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеймона и Ермолая называет среди врачующих еще Феклу и Варвару.⁵⁷ В памятниках русской письменности к Фекле,⁵⁸ Димитрию,⁵⁹ Прокопию⁶⁰ обращены молитвы об исцелении. С другой стороны, и врачи принимали на себя военные функции и вместе с воинами выступали единым героическим фронтом борцов за веру: «духовным оружием препоясавшиеся»,⁶¹ «взявшие победу от Христа», «укрепившиеся мученической кровью, приблизившиеся к Христу», «в собор небесного воинства вписавшиеся»⁶² (Киру и Иоанну), «поправшие мучителей оружием крестным», «дающие на врагов победы и тишину церквам»⁶³ (Фекле), «с дерзновением приносящие преславные победы», «врагов истребители», «поставившие на престол победу»⁶⁴ (Димитрию), «посрамившие лукавых врагов»⁶⁵ (Варваре), «подвинувшиеся за благую веру и венцом победным венчавшиеся»⁶⁶ (Прокопию).

Приведенные отрывки взяты из новгородских богослужебных книг. Все они — комплекс Минея, Стихирари — написаны в конце XI—середине XII в.⁶⁷ и являются современными окладу памятниками.

⁵⁷ Lexicon der christlichen Ikonographi. Rom; Wien, 1973. Vol. V. Sp. 256.

⁵⁸ Минея // ОР ГПБ, Соф. 188, л. 108 об.

⁵⁹ Стихирарь 1157 г. Л. 38 об., 39.

⁶⁰ Там же. Л. 151 об.

⁶¹ Минея // ОР ГИМ, Син. 163, л. 254.

⁶² Там же.

⁶³ Стихирарь 1157 г. Л. 23 об.

⁶⁴ Там же. Л. 38.

⁶⁵ Там же. Л. 60 об.

⁶⁶ Там же. Л. 77.

⁶⁷ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел III. Книги богослужебные. М., 1917. С. 2 и след.; Ягич И. В. Служебные Минея за сентябрь, октябрь и ноябрь в первоначально-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. С. 13—37, 70—71, 97—101, 107—111, 143, 238—241, 509—512; Срезневский И. И.

К перечисленным произведениям должен быть отнесен и отрывок из Похвалы Косме и Дамиану, сочинитель которого указан архиепископом Филаретом (Гумилевским) среди неизвестных авторов XII в. В нем говорится: «Похвалим, братии, благого Бога и все ему угодники, иже сохраниша вся заповеди его. . . Победу испросиша у Христа правоверному князю нашему, молитвою ваю венчаета и силою препояшите его».⁶⁸

Последний отрывок вновь возвращает к мысли о покровительстве целителей князю, уподобляя вместе с тем их жертвенное служение воинскому подвигу. В этом соединении разных функций, вмещаемых одним и тем же святым, раскрывается еще одна особенность изображений на окладе, выразившаяся в иконографии воинов Евстафия и Димитрия. Первый представлен в полном вооружении, его облик грозен и решителен. Подобная характеристика его образа содержится и в гимнографии, где он также выступает суровым бойцом, «твердым духом», презирающим мирские радости, стойко переносящим страдания за веру.

Иначе трактован образ Димитрия на окладе. Смирненные одежды мученика подчеркивают его жертвенный подвиг, хотя именно Димитрий почитался полководцем армии христиан, покровителем византийского императора, деспота эфирского, царя болгарского, выступал также патроном русских князей.⁶⁹

Нет ли в этих соседствующих типах тенденциозности, отразившей участие в окладе двух политических сил, оправдавшихся в своих интересах на византийский канон. Князь и епископ выступают в данном случае с позиций, согласно которым сдерживаемая конфронтация стремится к разумной договоренности, Князь, защитник церкви, вкладывает в нее свои средства и выступает с требованием в ней своего места. Одним из способов его узаконения было почитание покровительствуемых ему святых. Преследуя близкую цель, византийский император Никифор II Фока добивался признания павших на поле брани воинов святыми.⁷⁰ Ему возражали церковники, ссылавшиеся на канон Василия Великого, согласно которому обгавивший свои руки кровью, даже вражеской, должен быть исключен из поминовения на литургии. Взгляды Никифора II Фоки явно расходились с византийской концепцией мученика.⁷¹ Но предложение императора преследовало цель возвышения государственного права. Изображение воина в полном вооружении полнее отражало эти воззрения, в то время как воин в мученических одеяниях в большей

1) Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1866. Приложение: Снимки с памятников; 2) Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.

⁶⁸ Филарет, архиепископ. Обзор русской духовной литературы: 862—1720. Харьков, 1859. С. 73.

⁶⁹ Grabar A. Quelques Reliquaires. . . P. 3—5. Fig. 1—4; p. 6—10. Fig. 9—11.

⁷⁰ Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. Wien, 1981. S. 21.

⁷¹ Ibid. S. 23—24.

степени соответствовал клерикальным представлениям о его роли в церковном строительстве.⁷²

Найденный в иконографии воинов Евстафия и Димитрия компромисс свидетельствует не только о разделении сфер влияния, но и о достижении необходимого согласия, в котором «хорошо понятый государственный интерес сочетался с хорошо понятым интересом православия».⁷³ О едином участии воинов и целителей в богослужебном ритуале свидетельствуют другие многочисленные памятники изобразительного искусства. Персонажи на каменных иконках из частного собрания в Париже и из Государственного Эрмитажа, на ставроотеках из Эрмитажа, на мраморном рельефе из капеллы Сан Марко в Венеции объединены в евхаристическом содержании, и замечательно, что в каждом из них кроме апостолов, святителей обязательно представлены врачи, нередко занимающие более почетное место.⁷⁴

Новгородский оклад занимает в этом ряду свое место. Во многом оно определено общим правилом византийского церковного канона. С его позиций культ врачей не отделяется от культа мучеников в целом, хотя и имеет собственные акценты, сказавшиеся в более милосердной, близкой к человеку практической деятельности целителей. В житии Кира и Иоанна есть даже утверждение, изрекаемое как бы этими святыми, что благодаря их деяниям церковь превращается в госпиталь всего мира.⁷⁵ Вместе с тем целительная деятельность врачей, возвращавших зрение слепым, заставлявших двигаться парализованных, изгонявших бесов, сравнивалась с чудесами и исцелениями Христа, знаменовавшими победу света над тьмой, жизни над смертью и, наконец, торжество истинной веры.

Покрытая драгоценным окладом икона-реликварий выступала образом всеобщего ликования, находившего выход в величаниях церковной службы: «Прииде верных собор възиграем, приидите светло взопием, воспоем Димитрию. . .»;⁷⁶ «Приидите верных сборище, днесь песнями увязаем Кира и Иоанна, ратая благодати и подателя просящим неоскудевающая. . .»;⁷⁷ «Кыми похвальными венцы увязаем Петра и Павла, разделенных телесно, но совокупленных благодатию, богопроповедателя предстояща, ово яко апостолам начальника, ово же яко паче иних трудяшася. . . бо едины достойны бессмертной славы, венцы венчает Христос. . . имея великую милость».⁷⁸

⁷² Изложенная в данном отрывке мысль вместе со ссылкой на исследование Х.-Г. Бека подсказана мне И. П. Медведевым, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁷³ Beck H.-G. *Nomos, Kanon*. . . S. 27.

⁷⁴ Банк А. В. *Прикладное искусство*. . . Рис. 28, 30, 77, 79; Lange R. *Die byzantinische Reliefikone*. Recklinghausen, 1965. Taf. 27. S. 85—86; Demus O. *The Church of San Marco in Venice: History. Architecture. Sculpture*. Washington, 1960. P. 123. Taf. 34.

⁷⁵ Magoulias H. *The lives of the Saint as sources of data the History of Byzantine Medicine in the sixth and seventh centuries // Byzantinoslavika*. 1964. 57. P. 136.

⁷⁶ Миunea // ОР ГПБ, Соф. 188, л. 230 об.

⁷⁷ Стихирарь 1156—1157 гг. Л. 38 об.

⁷⁸ Там же. Л. 59—59 об.

Возвышенные и сдержанные слова стихир, тропарей, воспеваемые в безыскусной и строгой мелодии, создавали впечатление, достойное величественной мистерии, уводившей человека из мира обыденного в сферу высоких помыслов. Обетный образ, заказанный как поминовение по своей семье, близким людям, отражавший временные отношения между князем и церковью, в конечном итоге утрачивал частные связи, терял заданный ему событийный сюжет. Образ в целом приобретал значение непреходящей духовной ценности, символизируя собой воплощение подлинной реальности, вечный источник духовной жизни человека.

Икона как храмовый образ становилась непосредственной участницей литургии, иллюстрируя ее проповедальные акты, выступая символом премудрого апостольского учительства. В этой функции икона в полной мере отвечала византийскому порядку проведения литургии, установленному в глубокой древности, может быть, еще апостольскими постановлениями первых веков существования христианской церкви.

Изобразительные ряды на полях ее серебряного оклада свидетельствуют об особом порядке поминовения святых, характерного для XII в., продержавшегося в Новгороде в течение почти целого столетия, означавшего жизнеспособность и влияние княжеского рода по линии старших Мономаховичей. Этот порядок не был их изобретением, но в силу определенных условий он представляется отличительной чертой богослужения в новгородской церкви на данном этапе. Позднее он был забыт. Ритуал поминовения святых на литургии постепенно приобретал строгий иерархический чин. Но памятники изобразительного искусства XII—начала XIII в., подкрепленные текстами богослужебных книг, неопровержимо доказывают его существование в указанный период.

Е. М. ШВАРЦ

О ВИЗАНТИЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА РУССКИЙ ПЕРЕПЛЕТ

Изучение русского кожаного переплета имеет в отечественном источниковедении сравнительно небольшую традицию. Все же благодаря трудам П. К. Симони¹ и В. В. Калугина² мы располагаем конкретными представлениями о средневековой технике переплетного дела, а также достаточно полным терминологическим словарем, что

¹ *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. . . с XI по XVIII столетие включительно: Текст, материалы, снимки. СПб., 1903.

² *Калугин В. В.* Вопросы описания древнерусских обиходных переплетов: Словарь специальной лексики переплетного дела // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 201—245.